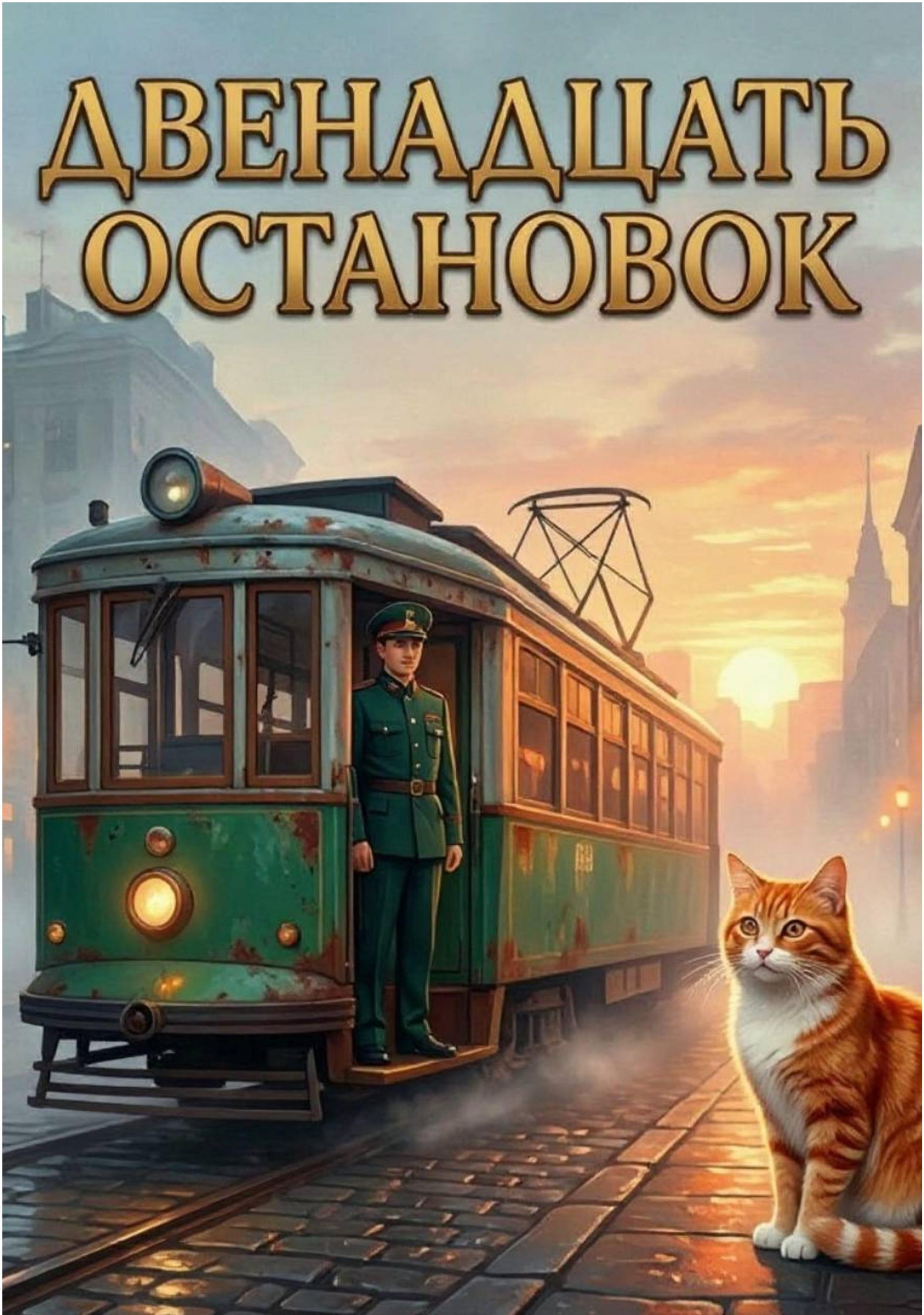
ДВЕНАДЦАТЬ ОСТАНОВОК



Евгений Третьяков

Двенадцать остановок

«Автор»
2026

Третьяков Е.

Двенадцать остановок / Е. Третьяков — «Автор», 2026

Представьте трамвай, которого нет ни на одной карте. Зелёный, со старым номером «0», светящимся изнутри мягким светом. Он выходит из депо, о котором знают только двое: мальчик Даня и кот Васька. И возит пассажиров по улицам, которых нет, — мимо домов без крыш, недописанных писем и забытых обещаний.Плата за проезд здесь не деньги. Кондуктор принимает только воспоминания — свежие, живые, те, что звенят.«Двенадцать остановок» — двенадцать рассказов о том, что мы забываем, откладываем и обещаем. Здесь дух школьного пенала объявляет забастовку, вторник продаётся в консервах, а кот Васька впервые говорит с человеком. На далёком острове брат и сестра ждут вертолёт, который не прилетит, — и понимают, что спасать себя придётся самим. А в финале трамвай выходит на последний рейс — и плата за него особенная: расскажи кому-нибудь эту историю вслух.Для читателей 11–14 лет — и для всех, кто когда-нибудь что-то обещал и забыл.Садись. Следует только до забытых мест. А дальше — везде, где ждут.

© Третьяков Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Расписание трамвая номер 0 6
Депо забытых трамваев 7
Дух школьного пенала 12
Консервированный вторник и другие неприятности 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Евгений Третьяков
Двенадцать остановок

сборник рассказов
Трамвай номер 0 отправляется из депо забытых трамваев.
Следует только до забытых мест.

Расписание трамвая номер 0

Билет стоит одно воспоминание — или одно дело, сделанное сегодня. Садись — и поехали.

Остановка 1. Депо забытых трамваев. Остановка 2. Дух школьного пенала. Остановка 3. Консервированный вторник и другие неприятности. Остановка 4. Возвращение Мурзика. Остановка 5. Неудачный фокус. Остановка 6. Ошибка волшебства. Остановка 7. Хижина потерянного времени. Остановка 8. Источник иллюзий. Остановка 9. Призрачный амулет. Остановка 10. Побег на базальтовый клык. Остановка 11. Улица отложенных дел. Остановка 12. Последняя остановка.

Депо и «Последняя» — служебные остановки: там трамвай ждёт и там он возвращается.

Депо забытых трамваев

Трамвайные рельсы за домом Дани всегда гудели по-разному. Когда по ним шёл состав, они пели тонко — кто-то вёл пальцем по краю бокала. Когда состава не было, рельсы молчали, и в этой тишине было слышно, как в луже у остановки возится воробей: плещется, трепыхается, потом выбирается на бордюр и отряхивается так, что брызги летят на скамейку.

В то утро рельсы молчали. Даня это заметил сразу. Он выглянул в окно: над депо, что за гаражами, висел туман — не белый, а сизый, цвета молока, разлитого в чай. Из тумана торчала только крыша депо, ржавая, с дырой в углу, и в этой дыре копошились голуби. Они ворчали друг на друга: делят место.

В коридоре пахло жареной картошкой. Тётя Валя готовила завтрак и одновременно ругала кота:

— Васька, ты опять на подоконник залез! Я тебе говорила, я тебе говорила…

Кот не отвечал. Но когда Даня вышел в коридор, Васька сидел у двери — чёрный, с белым пятном на груди, точно кто-то мазнул его кистью. Сидел и смотрел на Даню. Ждал.

— Ты куда? — окликнула тётя Валя. — Опять к депо? Туда нельзя, там рельсы старые.

— Я не к депо, — сказал Даня. — Я просто так.

Он соврал: шёл именно к депо, потому что вчера видел, как оттуда выехал трамвай — не старый, не ржавый, а блестящий, с номером «0» на лбу, и в нём горел свет.

Васька пошёл за ним. Не отставал, не мяукал — просто шёл, держа хвост трубой. Даня оборачивался дважды: первый раз кот сидел на тропинке и вылизывал лапу; второй раз уже ждал у самых ворот депо, словно знал дорогу.

Ворота были приоткрыты. Из щели тянуло холодом и тем самым запахом — гуталин, только сладковатый, с примесью пыли от старых книг. Даня шагнул внутрь. Васька проскользнул следом.

В депо стоял трамвай. Один-единственный, на путях, которые давно заросли травой. Трава пробивалась между шпал — сухая, желтоватая. Шуршала под ногами. Шёпот — сухой, желтоватый. На лбу трамвая горела цифра «0» — не лампочками, изнутри, мягким зеленоватым светом. Двери были открыты.

— Ну и что? — сказал Даня вслух, чтобы не было так тихо. — Это просто старый трамвай.

— Не просто, — сказал Васька.

Даня замер. Не от страха — от неожиданности. Он посмотрел на кота. Кот сидел на задних лапах и смотрел на него совершенно спокойно. Говорил каждый день — и не такое видал.

— Ты… — начал Даня. — Ты что, говоришь?

— Говорю, — сказал Васька. — И что? Ты в трамвай садишься или нет? У меня уши мёрзнут.

Даня моргнул. Потом ещё раз. Потом посмотрел на трамвай, на траву, на кота. В голове было пусто и одновременно очень шумно — словно там включили сразу три радиостанции.

— А ты… — он проглотил слюну. — Ты давно говоришь?

— С тех пор, как ты в депо зашёл, — сказал Васька. — Ну? Долго мне тут сидеть?

Даня хотел сказать, что это невозможно, что коты не разговаривают, что он, наверное, спит. Но вместо этого почему-то спросил:

— А обратно поедем?

— Если вспомнишь, зачем садился, — сказал Васька и прыгнул в трамвай. — Поехали. Только не наступи мне на хвост.

Трамвай тронулся мягко — не дёрнулся, не лязгнул, просто трава за окном поползла назад, и депо стало медленно отъезжать, как декорация на сцене. Даня сел на скамейку у окна.

Васька устроился рядом, свернулся клубком и положил хвост Дане на колено — не то чтобы дружелюбно, скорее по-хозяйски.

Внутри пахло не пылью, как он ожидал, а чем-то тёплым — воском, что ли, или старым одеялом, которое достали с антресолей. На полу лежал линолеум с потёртым узором: когда-то, наверное, был в ромбик, а теперь ромбики стёрлись до бледных теней. Над дверью висела табличка, и буквы на ней плыли, словно их написали на мокром стекле: «Следует только до забытых мест».

И тут из глубины вагона послышалось шарканье. Не шаги — кто-то волочил ноги по линолеуму. Даня обернулся.

По проходу шёл старичок в форменной фуражке, которая была ему велика на два размера. На груди висела сумка на длинном ремне, а из сумки торчали не билеты, а бумажки, свёрнутые в трубочки, и жестяная коробочка из-под леденцов.

— Билетики, — сказал старичок, останавливаясь рядом. — Предъявляем, граждане. Не задерживаем.

Даня растерялся.

— У меня нет билета, — сказал он. — Я не знал, что нужен.

— Не знал он, — проворчал кондуктор. — Все не знают. А потом едут и не платят. — Он глянул поверх очков, которые сидели у него на самом кончике носа. — Чем платить будешь? Деньги не берём. Деньги — это что? Бумажки. А нам надо то, что в голове.

— В голове? — переспросил Даня.

— Воспоминание, — сказал кондуктор. — Одно. Любое. Не жадничай.

Даня задумался. В голове было много всего, но почему-то ничего не приходило. Он попробовал вспомнить что-то хорошее — и вспомнил, как прошлым летом они с бабушкой ели мороженое на лавочке. Бабушка тогда уронила вафельный рожок, и они долго смеялись.

— Вот, — сказал он. — Мороженое. С бабушкой.

— Принимается, — сказал кондуктор и достал из сумки жестяную коробочку. Он открыл её, и внутри звякнуло — маленькие колокольчики. — Следующий.

Он подошёл к Лене.

— А у тебя что?

— У меня банка, — сказала Лена. — И лодочка.

— Лодочка — это хорошо, — сказал кондуктор. — Но лодочка — это вещь. А мне надо воспоминание.

Лена задумалась. Потом сказала:

— Я помню, как бабушка учила меня поливать цветы. Она говорила: «Не заливай, Лена, они же не рыбы».

Кондуктор хмыкнул и опустил что-то в коробочку. Звякнуло ещё раз.

— А у тебя, кот? — спросил он, остановившись перед Васькой.

— У меня хвост, — сказал Васька. — И уши. И я уже заплатил в прошлый раз.

— В прошлый раз ты мне лапу на мозоль наступил, — проворчал кондуктор. — Ладно, езжай так. Но в следующий раз — с воспоминанием.

Он пошёл дальше по вагону, шаркая ногами, и бормотал себе под нос:

— Развелось тут… безбилетников… на остановке «То, что не вернули» вообще никто не платит. А потом удивляются, что трамвай не едет.

Трамвай выехал из тумана, и за окном потянулись улицы. Только это были не те улицы, что Даня знал. Дома стояли криво, словно их рисовал кто-то, кто не умел проводить прямые линии. На балконах висело бельё, но не сохло — просто висело, неподвижно, как нарисованное. У одного подъезда сидела старушка в платке и чистила картошку. Стружка падала на асфальт и замирала в воздухе. Пауза.

— Это улица, которой нет, — сказал Васька. — Здесь живут те, кого перестали ждать.

— Как это — перестали ждать?

— Ну, вот ты ждёшь кого-нибудь? Друга, там, или письмо?

Даня пожал плечами. Он никого особенно не ждал. Разве что бабушку, которая обещала приехать на выходные, но уже два раза не приехала.

— Вот, — сказал Васька. — А они ждут. И их никто не ждёт. Поэтому они здесь.

Трамвай остановился. Двери открылись сами, и внутрь влетел сквозняк — холодный, с запахом мокрой земли и компота из сухофруктов. На остановке стояла девочка в жёлтом плаще. Она держала в руках банку с водой, а в банке плавала бумажная лодочка.

— Можно? — спросила она, глядя на Даню.

— Я не знаю, — сказал он. — Я тут не главный.

— Садись, — сказал Васька. — Только банку на пол не ставь, а то разольёшь.

Девочка села напротив. Плащ у неё был мокрый, хотя дождя не было. Она поставила банку на колени и стала смотреть в окно.

— Ты кто? — спросил Даня.

— Лена, — сказала она. — Я тут живу. На этой улице. Меня все забыли, кроме бабушки. Бабушка помнит, но она далеко. А ты?

— Даня. Я… я не знаю, зачем я тут.

— Все не знают, — сказала Лена. — Пока не вспомнят.

Васька поднял голову и уставился на Даню.

— Вот, — сказал он. — Теперь ты не один такой. Поехали дальше. У нас ещё три остановки, и на последней, если не вспомнишь, придётся тебе выйти. И остаться тут. Насовсем.

Даня сглотнул. Лена посмотрела на него и ничего не сказала — только покрепче прижала к себе банку с лодочкой.

Первая остановка называлась «То, что не вернули». Трамвай остановился у пустыря, где вместо травы росли старые зонты — раскрытые, мокрые, и с них капало, хотя дождя не было. Между зонтами стояли книги: раскрытые, с закладками, и ветер перелистывал страницы, но не сдувал их. А ещё там были деньги — мятые бумажки, которые лежали прямо на земле и не улетали.

— Здесь живут вещи, которые кто-то взял и забыл отдать, — сказал Васька. — Зонты, книги, деньги. И обещания.

Даня вздрогнул. Обещания. Это слово царапнуло его изнутри, но он не понял почему.

— А почему они тут, а не у тех, кто их забыл? — спросил он.

— Потому что те, кто забыл, не приходят, — сказал Васька. — Они думают, что всё в порядке. А оно не в порядке.

Двери открылись, и в трамвай вошёл старик в пальто, которое было ему велико на два размера. Он сел в углу и стал смотреть в окно. В стекле отражалась не улица, а комната с жёлтыми обоями — и на стене детская фотография девочки с бантом.

— Кто это? — шёпотом спросил Даня.

— Забытый дедушка, — сказал Васька. — Он ездит тут давно. Обещал внучке что-то сделать, а что — не помнит. Поэтому и застрял. Пока не вспомнит — будет ездить.

Лена переводила взгляд со старика на Даню и обратно.

— А ему можно помочь? — спросила она.

— Можно, — сказал Васька. — Если кто-то другой вспомнит за него. Но это редко бывает. Все своими делами заняты.

Лена ничего не сказала, но Даня заметил, как она крепче прижала к себе банку с лодочкой.

Вторая остановка называлась «Улица отложенных дел». Дома здесь стояли недостроенные — без крыш, с торчащими балками, и в окнах вместо стёкол была плёнка. На одном бал-

коне висело бельё, которое никто не снимал, и оно уже потемнело от времени. На другом — горшок с засохшим цветком.

— Тут живут те, кто всё собирался, но так и не сделал, — сказал Васька. — Недостроенные дома. Недописанные письма. Недоваренные каши.

Лена подняла голову.

— Цветы, — сказала она. — Я обещала бабушке поливать цветы. А потом забыла. И они засохли.

— Вот, — сказал Васька. — Ты уже почти вспомнила. Как их зовут?

Лена задумалась. Потом сказала:

— Герань. И фиалка. И ещё один, с длинными листьями, но я не помню, как он называется.

Она обернулась к старику в пальто.

— А вы? — спросила она. — Вы что обещали?

Старик посмотрел на неё. Глаза мутные, как вода в луже.

— Не помню, — сказал он. — Что-то про куклу. Или про платье. Она была маленькая, с бантом. Я обещал ей… что-то.

— Куклу? — переспросила Лена. — Вы обещали купить куклу?

Старик молчал. Потом его лицо дрогнуло.

— Нет, — сказал он медленно. — Я обещал ей починить куклу. У неё рука оторвалась. Я сказал, что приклею. А потом… потом я заболел. И не успел.

В трамвае стало слышно, как стучат колёса.

— Вот, — сказал Васька. — Теперь ты вспомнил. Можешь выходить на следующей.

Даня смотрел на засохший цветок в горшке. Внутри что-то сжималось. Он не знал, что именно. Но это было связано с домом. С балконом. С чем-то, что он давно не трогал.

Третья остановка называлась «Последняя». Трамвай остановился на краю тумана, дальше путей не было — только белая мгла и тишина. Двери открылись, но никто не вошёл. Васька встал и уставился на Даню в упор.

— Всё, — сказал он. — Дальше или вспоминаешь, или выходишь. И остаёшься тут. Насовсем.

— Я не знаю, что вспоминать, — сказал Даня. — Я не помню.

— Помнишь, — сказал Васька. — Просто не хочешь. Потому что это неприятно. Ты кому-то что-то обещал, и не сделал. И думал, что никто не заметит. Но оно тут. На первой остановке. Среди зонтов.

И тогда Даня вспомнил.

Прошлой осенью бабушка собиралась приехать на выходные. Она позвонила и сказала: «Даня, я приеду, только ты почини мне ящик на балконе, а то он совсем развалился». И Даня сказал: «Хорошо, бабушка, я починю». А потом забыл. Заигрался, забегался, и ящик так и остался сломанным. Бабушка приехала, посмотрела на него и ничего не сказала. Только вздохнула.

— Я обещал бабушке починить ящик, — сказал Даня. — И не починил. Она приезжала, а ящик был сломан. И она ничего не сказала. Просто вздохнула.

— Вот, — сказал Васька. — Теперь ты знаешь, зачем сел.

Лена улыбнулась — первый раз за всю дорогу.

— А я вспомнила, — сказала она. — Третий цветок называется сансевьера. Бабушка говорила, что он неприхотливый, но я его всё равно залила.

— Молодец, — сказал Васька. — Тебе тоже можно выходить.

Старик в пальто встал, поправил воротник и сказал:

— Спасибо, девочка. Я пойду. Меня, наверное, внучка заждалась. Она уже большая, но всё равно ждёт.

Кондуктор выглянул из глубины вагона:

— Иди-иди. Тебя там заждались. И не забудь, что обещал. А то опять приедешь.

Старик вышел на остановке «Последняя» — и туман за дверью на секунду разошёлся. Даня увидел двор с качелями и девочку в жёлтом плаще, которая махала рукой. Только это была не Лена. Другая девочка. И она улыбалась.

Трамвай дрогнул и поехал обратно. За окном поплыли знакомые улицы — сначала «Отложенные дела», потом «То, что не вернули», потом пустырь с зонтами стал удаляться, и впереди показалось депо — с ржавой крышей и голубями, которые сидели молча.

Двери открылись. Даня вышел. Лена вышла следом, и они постояли во дворе, глядя друг на друга.

— Ты где живёшь? — спросил Даня.

— На той улице, — сказала Лена. — Но теперь, наверное, уже на этой. Я вспомнила цветы. Значит, можно.

Она помахала рукой и ушла — в сторону гаражей. Жёлтый плащ растворился в тумане.

Даня стоял во дворе. Асфальт был мокрый, лужи блестели на солнце, и откуда-то пахло жареной картошкой. Тётя Валя выглянула в окно:

— Даня! Ты где ходишь? Я тебе кричала-кричала!

— Я тут, — сказал он. — Я сейчас.

Дома он достал молоток, гвозди и кусок фанеры. Ящик на балконе был старый, покосившийся — но Даня знал, что с ним делать.

Через час он позвонил бабушке.

— Бабушка, привет. Я ящик починил. Приезжай в выходные.

На том конце провода помолчали. Потом бабушка сказала:

— Ну надо же. А я думала, ты забыл.

— Я помнил, — сказал Даня. — Просто… теперь точно помню.

Он положил трубку и выглянул в окно. На подоконнике сидел Васька — чёрный, с белым пятном на груди. Сидел и смотрел на него. Ждал. Даня улыбнулся и помахал ему рукой. Кот моргнул и спрыгнул вниз, в траву.

Остановка: Депо. Плата за проезд: одно обещание, выполненное вовремя.

Дух школьного пенала

На перемене в классе стоял такой гвалт, что Митя не сразу услышал тонкий голосок. Он доносился из пенала — из того самого, с треснувшей молнией, который Митя получил в прошлом году и с тех пор ни разу не вытряхивал.

За окном гремела машина — то ли мусоровоз, то ли старый грузовик, который каждое утро будил двор. В классе кто-то играл в «камень-ножницы-бумагу» на задней парте, и удары кулаков о стол отдавались коротким «тук-тук-тук». Кто-то спорил, чья очередь мыть доску, — голосов было два, и оба звучали обиженно. А у окна девочки обсуждали завтрак: «Опять эта каша, я её ненавижу», — и вторая отвечала: «А мне с изюмом понравилась», — и первая фыркала так, что было слышно на весь класс.

Пахло мелом и мокрой тряпкой. Солнце било в окно так, что на парте лежали косые полосы света, и в этих полосах кружилась пыль — медленно, как будто ей было лень.

— Ты меня слышишь? — говорил голосок. — Нет, он меня не слышит. Он вообще ничего не слышит. Он даже собственную голову, наверное, потерял бы, если бы она не была прикручена.

Митя замер. Голосок был тонкий, ворчливый, и доносился он из пенала.

— Эй, — сказал Митя шёпотом. — Кто тут?

— Кто-кто, — отозвался голосок. — Дух твоего пенала. Слушай, у меня к тебе серьёзный разговор. Ты когда последний раз выкидывал огрызки?

Митя заглянул в пенал. Внутри было темно, пахло сломанным грифелем и чем-то ещё — кисловатым, как забытое яблоко. Среди ручек, карандашей и ластиков сидело маленькое существо — размером с полмизинца, в бумажной шапочке, с лицом, сморщенным, как изюм.

— Ты кто? — спросил Митя.

— Я дух, — сказало существо. — Я тут живу. Уже год. И я устал.

— От чего?

— От тебя, — сказал дух. — Ты теряешь всё. Ручки, ластики, линейки. Вчера ты потерял крышку от ручки. Позавчера — сам знаешь что. Я не могу так работать. Я объявляю забастовку.

Митя моргнул. На задней парте снова застучали кулаками — «тук-тук-тук», — и кто-то крикнул: «Ты жульничаешь!»

— Какую забастовку? — спросил Митя.

— Обычную, — сказал дух. — С завтрашнего дня твои вещи начнут пропадать. По-настоящему. Не просто теряться, а исчезать. В другое измерение. Пока ты не научишься класть их на место.

— Это шантаж, — сказал Митя.

— Это профсоюз, — поправил дух. — У меня есть требования. Первое: выкидывать огрызки. Второе: не совать в пенал жвачку. Третье: не забывать меня кормить.

— А чем ты питаешься?

Дух задумался.

— Точилками, — сказал он. — Но не простыми. А теми, которые ты теряешь. Они у меня в углу лежат. Я их ем.

— Митя! — раздалось над ухом.

Митя вздрогнул и захлопнул пенал. Над ним стояла Соня — отличница, с косичками, которые не растрёпывались даже после физкультуры, и с пеналом, в котором ручки лежали по линейке, карандаши — по росту, а ластик — в отдельном кармашке.

— Ты чего шепчешься? — спросила Соня, прищурившись. — С кем ты разговариваешь?

— Ни с кем, — сказал Митя.

— А почему пенал закрываешь, когда я подхожу?

— Потому что он мой.

Соня посмотрела на него так, будто он сказал что-то подозрительное. Потом села за свою парту — соседнюю — и начала раскладывать учебники. Каждый учебник ложился ровно, под углом девяносто градусов. Пенал она открыла, и Митя увидел, как внутри всё блестит: ручки по линейке, карандаши по росту.

За окном снова загрохотало — на этот раз ближе. Кто-то из класса подошёл к окну и сказал: «О, дождь собирается». И правда: небо затянуло, и первые капли уже стучали по подоконнику — редко, тяжело, как будто кто-то бросал в стекло мелкие камешки.

— Слушай, — сказал Митя шёпотом, наклонившись к Соне. — А если бы у тебя в пенале жил дух, ты бы что делала?

Соня подняла на него глаза.

— Какой дух?

— Ну, такой. Маленький. Ворчливый. Говорит, что объявляет забастовку.

Соня помолчала. Потом сказала:

— Ты головой не ударялся?

— Я серьёзно.

— И я серьёзно, — сказала Соня. — Духов не бывает. А если бы и были, они бы жили у тех, кто не теряет вещи. Потому что у них порядок.

Митя хотел ответить, но тут из его пенала раздался тонкий голосок:

— А вот и нет. У неё тоже дух есть. Только он спит. Потому что у неё скучно.

Соня замерла. Медленно повернула голову к Митиному пеналу. Потом к своему. Дождь за окном усилился — теперь он стучал ровно, сплошной стеной, и в классе стало темнее, как будто кто-то прикрутил лампу.

— Это… — начала она. — Это что было?

— Дух, — сказал Митя. — Я же говорил.

Соня открыла свой пенал. Внутри было идеально: ручки по линейке, карандаши по росту. И в углу, на отдельном кармашке, спал крошечный дух — размером с горошину, в бумажном колпачке, и храпел так тихо, что его можно было принять за шорох ластика.

— Он спит, — сказала Соня шёпотом. — Почему он спит?

— Потому что у тебя всё на месте, — сказал Митин дух из своего пенала. — Ему нечего делать. Он просыпается, только когда что-то теряется. А у тебя ничего не теряется. Поэтому он спит. Скукота.

Соня посмотрела на своего духа. Потом на Митиного. Потом на Митю.

— И что теперь? — спросила она.

— А теперь, — сказал Митин дух, — я объявляю забастовку. И твой дух, между прочим, тоже. Мы с ним в одном профсоюзе.

— Он же спит, — сказала Соня.

— Это он так думает, — сказал дух. — Но я его разбужу. У нас общие требования.

Забастовка началась на следующем уроке. Митя как раз доставал ручку, чтобы записать домашнее задание, — и ручка исчезла. Не выпала, не закатилась под парту. Просто была — и нет. На парте осталась только вмятина от её колпачка, и в этой вмятине лежала крошечная записка, свёрнутая в трубочку: «Требование 1. Огрызки».

За окном дождь уже лил вовсю, и по стеклу бежали струйки, собираясь в лужицы на подоконнике. Учительница писала на доске, и мел скрипел так, что у Мити сводило зубы.

— Эй! — сказал Митя шёпотом, заглядывая в пенал. — Верни ручку!

— Не верну, — сказал дух. — Пока не выполнишь требование.

— Какое?

— Огрызки. В углу пенала. Три штуки. Я их вижу.

Митя вздохнул. На перемене он вытряхнул пенал над урной — и оттуда посыпались огрызки карандашей, сломанные грифели, засохшая жвачка и одна конфета в фантике, которую он искал ещё в прошлом году. Дух стоял на краю урны, уперев руки в бока, и наблюдал. В коридоре кто-то бежал, и топот отдавался в стенах — глухо, как будто били в большой барабан.

— Хорошо, — сказал он. — Одно требование выполнено. Ручка вернётся. Но у меня есть ещё два.

Соня всё это время смотрела на него, приоткрыв рот. Её собственный дух проснулся — Митя видел, как он зевает в кармашке, потягиваясь, и с ужасом оглядывает идеально сложенные ручки.

— А у меня ничего не исчезло, — сказала Соня. — Почему?

— Потому что твой дух ещё не проснулся как следует, — сказал Митин дух. — Но он проснётся. Мы с ним в одном профсоюзе, я же говорил.

И тут Сонин ластик — маленький, белый, аккуратно обёрнутый в бумажку — исчез. Просто был — и нет. Соня ахнула.

— Верни! — сказала она.

— Требование 2, — сказал её дух тонким голоском, выглядывая из кармашка. — Не совать в пенал жвачку.

— Я не сую жвачку! — возмутилась Соня. — Я вообще не жую жвачку!

— А это не тебе, — сказал дух. — Это ему. — И он показал пальцем на Митю.

Митя вздохнул. Пришлось вытряхивать пенал ещё раз — и действительно, в самом углу, прилипшая к стенке, нашлась жвачка. Старая, серая, с ворсинками. Митя сам не помнил, когда её туда сунул. За окном дождь стучал по стеклу уже ровно, как метроном, и в классе пахло мокрым асфальтом — кто-то открыл форточку, и вместе с запахом влетел холод.

— Хорошо, — сказал дух. — Ластик вернётся. Но у меня есть третье требование.

— Какое? — спросил Митя.

— Покорми меня.

Митя похолодел. Точилок у него было мало — он их терял. А те, что остались, лежали в пенале, и дух их уже съел.

— А чем мне тебя кормить? — спросил он.

Дух задумался. Потом посмотрел на Соню.

— У неё есть, — сказал он. — Целых три.

Соня открыла свой пенал. Точилки у неё лежали в отдельном кармашке — три штуки, блестящие, чистые, ни одной треснувшей.

— Я не могу, — сказала она. — Это мои.

— А ты не отдавай, — сказал её дух. — А то я тоже обижусь. И тогда у тебя исчезнет что-нибудь важное. Например, дневник.

Соня побледнела. Дневник у неё был в идеальном состоянии — ни одной тройки за месяц.

— Ладно, — сказала она. — Одну.

Она положила точилку на Митину парту. Митин дух схватил её, утащил в пенал, и оттуда раздалось хрумканье, как от сухарика.

— Принято, — сказал он. — Ручка вернётся. И ластик. И даже точилка, когда я её доем.

Ручка появилась на парте — та самая, с синим колпачком. Ластик Сони — тоже, прямо у неё под рукой. Соня схватила его и прижала к себе, как будто он был золотой.

— Всё? — спросила она. — Забастовка закончена?

— Не совсем, — сказал Митин дух. — Мы с твоим духом договорились. Теперь у нас правило: раз в неделю — проверка. Если у Мити в пенале порядок, мы не бастуем. Если нет — вещи исчезают. И у тебя тоже, — он посмотрел на Соню. — Потому что скучно смотреть, как

ты всё раскладываешь по линейке. Иногда нужно, чтобы что-то пропало. Чтобы ты вспомнила, как это — искать.

Соня хотела что-то сказать, но промолчала. Потом закрыла свой пенал, и её дух — горошина в колпачке — зевнул и снова уснул в кармашке.

На следующей перемене Митя вытряхнул пенал ещё раз, выкинул всё лишнее и протёр его влажной салфеткой. Соня стояла рядом и следила, чтобы ручки лежали по линейке. За окном дождь уже стихал — стучал реже, мягче, и в классе снова стало светать, как будто кто-то повернул лампу обратно.

— Ты вообще не обязана мне помогать, — сказал Митя.

— Обязана, — сказала Соня. — У нас теперь общий профсоюз.

Митя засмеялся. А из пенала, из самого угла, раздалось довольное хрумканье: дух доедал вторую точилку.

Остановка: Пенальная. Плата за проезд: три вещи, найденные на своих местах.

Консервированный вторник и другие неприятности

Лето на станции «Солнечный-7» выдалось идеальным. Искусственное солнце класса «Премиум» висело в зените, не мигая, и грело ровно до сорока двух градусов — идеальной температуры для того, чтобы мороженое таяло снаружи, но оставалось ледяным внутри.

Тим дрейфовал в гамаке, подвешенном между двумя автоматическими пальмами, и лениво тыкал палочкой в свой завтрак. Завтрак сопротивлялся.

— Да что с тобой не так? — возмутился Тим. — Ты же «Йогурт галактический, вкус: сверхновая». По инструкции ты должен быть жидким!

Йогурт в пластиковом стаканчике обиженно фыркнул, выпустил облачко пара в форме спиральной галактики и с чавканьем затвердел, превратившись в фиолетовый кирпич.

— Опять, — вздохнул Тим. — Папа сэкономил на партии вторника.

Вчера на станции случился локальный временной сдвиг. Ничего серьезного: просто вторник длился сорок восемь часов, а среда так и не наступила. Папа Тима, главный инженер станции, чтобы не платить за лишний день работы систем жизнеобеспечения, просто купил на оптовом складе «Консервированный вторник». Самый дешевый.

Теперь всё, что было произведено в тот день, вело себя непредсказуемо.

Тим спрыгнул с гамака. Пальмы, на которых он висел, решили, что наступила ночь, и дружно сложили свои листья-опахала, погрузив Тима в секундную темноту.

— Эй! — крикнул он. — У нас день! Индекс ультрафиолета падает!

Пальмы нехотя расправились, но одна из них, кажется, пальма-фикус, решила, что она теперь баобаб, и начала стремительно расти в ширину, выдавливая панорамное окно жилой капсулы.

Тиму нужно было срочно к другу Левону. У Левона отец — ботаник, и он привез с Земли контрабандой семена Настоящего Хаоса. Из них выросли идеальные ролики. Они никогда не попадали в трещины, сами объезжали глупых туристов и развивали скорость до ста километров в час, если впереди пахло картошкой фри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.